

Грешная Мерилин

Вчера ей исполнилось бы 80

Вероника Чернышева

Грешная Мерилин – архетип блондинки. Едва ли не самый яркий символ мифологии XX века. Лицо масскульта. Точнее, его тело. Плоть. А кому есть дело до души, когда есть тело? Особенно такое, как у Мерилин. К тому же малышка Норма Джин не так чтобы особенно усердствовала, скрывая его. Вот только душа пустовала.

Ее биографы всерьез рассуждают о литературном прототипе этого существа. Он заметно старше. Это Манон Леско, увековеченная аббатом Прево в XVIII веке. «Девушка была так хороша, что могла бы восстановить в мире язычества». Монро – богиня или идол. Пожалуй, и то и другое. Или – безразлично. Важно другое: язычеству чуждо милосердие, его идолы могут быть грешными, но и жестоко

карается тот, кто причинит зло языческому богу или хотя бы покусится на это. Небеса разверзаются. И личные трагедии перестают быть кухонными, превращаются в национальные. Они уже не просто чья-то биография, они – вехи эпохи.

Жизнь ее – беллетризованная проза с цепью детективных сюжетов, с фатальной развязкой, без всякой надежды на хеппи-энд, сплошная путаница, почти пошагово до-

кументированная бульварной пресой, где непонятно, кто жертва – она или те, кто вечно причинял ей страдания, те, кого она хотела любить: Джо Ди Маджо, Артур Миллер, президент Кеннеди. Так ли важно, была ее смерть самоубийством, случайностью или ее устранили ради спокойного будущего клана Кеннеди, на чью биографию она вольно или невольно начала бросать тень. Нет. Не важно. Кеннеди ушли довольно

скоро вслед за ней. Неучтиво было не любить ее так, как она того заслуживала. Гибельно для смертных обращаться с божеством по-человечьи. Без преклонения. Пусть даже оно и языческое. Пусть грешное.

«Кому горят мои георгины?»

13 или 12 аборт, более 20 операций, 7 добровольных попыток уйти из жизни. Любовников сосчитать никто так и не удосужился.

Шутка ли – однажды скромница Норма начинает жить так, что каждую ночь спит с новым мужчиной. «Секс – вот, что задело меня за живое», – запишет она в дневнике.

Это говорит о себе «девушка, способная растопить льды Аляски», девушка, на самом деле подобная тем самым льдам, трагически не способная любить ни самое себя, ни кого бы то ни было еще. Вот главное несчастье ее жизни.

Незабываемая газ. - 2006. - 2 сентя. - с. 13, 16.

ВРЕМЯ И МЕСТО

Грешная Мерилин

«О, кинозвездное оледененье»
 Зато ею грешил весь мир с того самого момента, как в 1944-м голубоглазая Норма Джин Мортенсен перестала красить фюзеляжи для самолетов на заводе, попав в объектив фотографа солдатского журнала «Янки», и согласилась немного раздеться за пять долларов в час. Несколько лет спустя она скажет публично: «Я желаю быть актрисой, а не эротической забавой. Я не хочу, чтобы меня продавали как афродизиак...» Кстати, мечтой Монро была роль Грушеньки в «Братьях Карамазовых». Она любила знаменитый монолог, который ей так и не довелось прочесть с экрана. Иначе Монро, наверное, вошла бы еще в историю и как женщина, преодолевшая конфликт внешнего и внутреннего. Достаточно представить только

нам драматургии. Образец успешного гиража, еще более популярный, чем банка кока-колы или гамбургер, должен быть всеобщим, а значит, не может принадлежать никому в отдельности, даже самому себе. Речь не об утрате идентичности, речь о ее отсутствии. Из ее дневника: «Что я такое? На что я способна? Я - пустое место и больше ничего, у меня в душе пустота». Все - это и есть ничто. Неоригинально. Не одна она, конечно, задавалась такими вопросами. Но и тут ей суждено было стать символом, по крайней мере для Америки с ее любовью к психоаналитикам. Есть синдром имени Мерилин. Он страшен, но излечим. Конечно, как заявляют оптимистичные американцы, его можно победить. Для вдохновения можно даже повесить в комнате знаменитую картинку с развевающейся белой юбкой. И останется только внушить себе: «У меня будет хеппи-энд». И еще, пожалуй, не записывать в ежедневнике: «Покорить президента», а научиться любить «простых хороших парней».

Один американский бестселлер - практическое руководство для женщин по воссоединению со своим истинным «я» и с «Душой Вселенной» - так и называется «Синдром Мерилин Монро». Авторы доктор-психоаналитик Элизабет Макавой и писательница Сьюзен Израэльсон тоже выбрали Мерилин, как и Энди Уорхол, трудившийся над проблемой идентичности личности.

«Задача книги, - пишут американки, - помочь всем, кто страдает

важно, удалось ли тетушке Грейс с ее письмами о потомках пятого президента стать частью этого мифа или нет.

Вечный поиск всеобщего одобрения - это точно родом из этого вынужденного сиротства. Детский взгляд - при теле самой женственной женщины мира - тоже отсюда. Тоска по детству, которого не было. Историки фотографии придумают еще одно точное слово про взгляд Мерилин со знаменитых кадров с ее обнаженным телом - «прикасаемость».

«Женщина, возлюбившая много» - так аттестуют своих пациентов и саму Мерилин Макавой и Израэльсон. По-русски говоря, досто-евщина.

«Невыносимо прожить, не думая»

Вот что рассказывают авторы «Синдрома Мерилин Монро» своим пациентам: «Мерилин, несмотря на свою красоту, сексуальность и успехи, глядя на себя в зеркало, неизменно видела там некрасивую неудачницу, она ненавидела саму себя».

Она была патологически зависима от чужого мнения, от советов людей, использовавших ее в своих играх. Интеллектуальная элита Нью-Йорка поступала с ней именно так, когда она приехала туда уже будучи «богиней», «самой знаменитой женщиной эпохи», признанной звездой Голливуда, проведя там семь лет - с 1947-го по 1954-й. В Нью-Йорке она не снимается в кино, она будет ходить в «Эксторз Студио» и к психоаналитикам. Ей мешали, уродовали ее неповторимые данные. А ведь нуждалась она только в любви. «Выглядит она и впрямь волшебю, но не умеет держать крупный план, не владеет интонацией, любая мизансцена, не подержанная партнером, для нее - непреодолимая трудность», - будут говорить о ней именитые театральные актрисы в стенах этого заведения. Самые добрые из видевших ее на занятиях будут вспоминать не актерские возможности, а какую-то неземную органичность, гармонию. Жаль только, что никто никогда уже не будет вспоминать их поименно. А вот Монро забудут вряд ли. Пусть даже помнят ее не как актрису, а как идола.

В одном из романов, посвященных ее жизни, форзац украшен фотографиями кинодив, использовавших ее образ. Эти цитаты без кавычек как будто соревнуются между собой в точности. Подражательниц как минимум десяток. Они очень хотели быть такими, как она. А она - всю жизнь страдала, что не такая, как все. Из дневника: «Меня вдруг осенило, что все люди - все женщины - не такие, как я. Они умеют чувствовать, а я - нет».

«Я баба слабая. Я разве слажу?»

У нее не было любви. А вот любовников сосчитать почти невозможно. Зато дни ее сочтены точно. Обратный отсчет ее короткой, как вспышка фотокамеры, жизни начался после встречи с Кеннеди, который, кстати, тоже грешил ею задолго до знакомства. Кто-то из советников говорил ему, что портрет кинодивы в кабинете - это нехорошо. Сама кинодива в его жизни - еще хуже, не только по мнению советников. Отсюда слухи о том, что трагическая гибель несчастной Мерилин - происки мафии, ЦРУ и всего клана Кеннеди.

Она умерла в 36. От перепозировки снотворного, без которого не могла справиться с этой жизнью. Счастье - душевный покой. Увы, никому не было дела до ее души. Весь мир желал только ее тела. За это нужно было чем-то платить, и платить дорого. Счастьем же и платить. Так положено - либо одно, либо другое. Ей в избытке дана была красота.

Идол вочеловечивали посмертно. Библиография эссе и очерков на всех языках о трагическом столкновении мифа и реальности - богата. Есть и стихи. Но они на русском. Друг семьи Миллера, Андрей Вознесенский, вдохновленный образом Монро, написал знаменитое: «Я Мерлин, Мерлин! Я героиня/самоубийства и героиня». Именно такой - невинно загубленной - она больше нравится человечеству, как когда-то больше нравилась обнаженной молоденьким солдатам.

Появившись в школе с накрашенными губами и подведенными бровями, она тут же получила прозвище роковой соблазнительницы

крупный план, где растиражированная на весь мир стоматологическая улыбка преобразуется в страдальческую гримасу и соблазнительные губы не шепчут, но кричат: «Не кори меня нарядом, Ракитка, не знаешь еще ты всего моего сердца! Захочу, и сорву наряд, сейчас сорву, сию минуту. Не знаешь ты, для чего этот наряд! Может, выйдут к нему и скажу: «Видал ты меня такую аль нег еще?» <...> Неистовая я, Алеша, яростная. Сорву я мой наряд, извещу я себя, мою красоту, обожгу себе лицо и разрежу ножом, пойду мило-стыню просить! <...> Думаешь, не сделаю я того, Ракитка, не посмею сделать? Сделаю, сделаю, сейчас могу сделать, не раздражайте только меня... а того протгону, тому шип покажу, тому меня не видать!» После этих слов, согласно ремаркам классика, Грушеньке надлежало истерически прокричать, закрыть лицо руками, броситься в подушку и затрястись от рыданий. Вот о чем мечтала Монро.

«Когда талантлив - невыносимей»

Роль эта в итоге досталась не ей. Иначе быть и не могло. В ее драматические таланты искренне никто не верил. Даже самые благожелательные биографы заключают, что эта несчастная женщина попала в тиски исторического процесса сексуального раскрепощения американцев; мол, ее образ был взят на шип не одним поколением, она-де заложница своих божественных форм, что вечно преграждают красавицам путь к истинной творческой реализации. Да и было ли что реализовывать - вот, мол, в чем вопрос.

Всемирная истерия вокруг Мерилин - не то дьяволицы, не то ангела, неосторожно покусившегося еще и на сердце американского президента, конечно, заглушает голос одного из ее мужей, драматурга Артура Миллера, который писал о ней: «Она стояла у истоков неведомого. Она была первым человеком из тех, кого я знал, кто по-настоящему был своеобразен. Она стала человеком 60-х еще до того, как это десятилетие наступило». Да уж, миссия не из легких. Тихое, ну или пусть не тихое, а хоть какое-то личное счастье к этому неприложимо по всем зако-

от бесплодных поисков любви, кто мучится отвращением и ненавистью к самому себе». Так вот, диагноз психотерапевта для Мерилин и для таких же (sic!), как Мерилин, простых американок - «зависимость, тяга к таким отношениям с партнером, которые приводят к разрушительным последствиям. Такие женщины тянутся к мужчинам, по разным причинам не могущим отвечать им взаимностью. Их отвергают, третируют и унижают. Отказ любить вызывает в них обратную реакцию. Неприятие пробуждает в женщине горячую страсть. Любовь несет болезнь, синдром, от которого страдают и умирают». Вот такой и была Мерилин. Всех loversick, по мнению психоаналитиков, кое-что объединяет. Они - выходцы из дисфункциональных семей. О! Здесь уж Мерилин даст фору любой отчаявшейся найти свое счастье - девочка сменила 11 приемных семей! Где уж тут безусловная любовь, где безоговорочное принятие, в котором нуждается каждый ребенок?!

«Ведь знала мама - меня раздавят»

«Твоя мать - это та женщина с рыжими волосами, которая иногда приходит к тебе», - услышала она в раннем детстве от людей, которые ухаживали за ней, в ответ на то, что она назвала их «мамой» и «папой». «Женщина с рыжими волосами», по рассказам бесконечно менявшихся воспитательниц, была обременена тяжелой работой на монтажной студии, ей было не до дочери. А отец - не то скрывается, когда узнал, что «рыжая женщина» беременна, не то погиб в катастрофе.

Правда, одна из подруг матери, Грейс Макки, тоже в свое время бывшая опекушкой маленькой Нормы, утверждала, что на самом деле по материнской линии Мерилин потомок пятого президента США Джеймса Монро. Может, мечта стать однажды первой леди государства родом отсюда, из этой тайной памяти крови. Может. А может - это только тщеславие тетушки Грейс, утверждавшей, что «она была Монро!» и что все бумаги и письма, подтверждающие избранность ее воспитанницы, у нее якобы имеются. Она все равно была Монро. Не

Современная богиня.

Когда умерла Мерилин Монро, нью-йоркская газета «Дейли Ньюз» посвятила ей сагу длиною в семь страниц. Фото из книги «Энди Уорхол - художник современности»